

Кросс НА 700 КИЛОМЕТРОВ

Инна Тренина

Инна Тренина

Кросс на 700 километров

«ИП Стрельбицкий»

Тренина И.

Кросс на 700 километров / И. Тренина — «ИП
Стрельбицкий»,

Лето 2002-го года. В поселке Комарово под Санкт-Петербургом, в детском оздоровительном лагере убиты вожатая и ди-джей. Свидетелями преступления случайно оказываются другая вожатая Алиса Янина и ее восьмилетний воспитанник Денис Оленников. Только они знают, что убийство – дело рук бандитов, мстивших за шантаж и вымогательство. Алиса дала правдивые показания и тем самым поставила себя под удар, так как следователь Суслопарова, беседовавшая с ней, оказалась связана с группировкой Евгения Зеньковича по кличке Академик. Главарь приказал, во что бы то ни стало, уничтожить свидетелей. В первую же ночь после признания Алиса едва не погибла при пожаре. Поняв, что оставаться в лагере опасно даже для мальчика, не говоря уже о ней самой, Алиса вместе с Денисом покидает лагерь и тайно пробирается в Петербург, чтобы оттуда выехать в Москву. Тем временем вожатую обвиняют в похищении ребенка и объявляют в розыск. На всем протяжении пути из Петербурга в Москву, растянувшегося почти на месяц, за девушкой и мальчиком неотступно следуют люди Академика и фактически работающие на них милиционеры. Все-таки беглецы добиваются до Москвы. Сотрудница столичного филиала частного сыскного агентства Оксана Бабенко и ее шеф Андрей Озирский – последняя надежда Алисы и Дениса. Но погоня продолжается. И в Москве разыгрывается очередной, наиболее масштабный и кровавый акт трагедии, начавшейся за 700 километров от столицы, на берегу Финского залива...

© Трoннa И.
© ИП Стрельбнцкнй

Содержание

Глава 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Инна Тренина

Кросс на 700 километров

Глава 1

– Ну и пусть! Пускай остаётся без меня, раз я ей не нужен! Со своим Юрием Ивановичем... Я ей надоел... Ей не хочется ко мне приехать, а я ночью вижу её во сне... А потом весь день реву, как придурок!.. А от валерьянки уже тошнит! Я домой хочу, ну, почему мне нельзя? Обещала после первой смены забрать, а сама наврала... Всё про новый рюкзак говорила, что покажет сразу, когда приедем!

Денис со злостью оторвал прицепившуюся к его красной футболке ветку берёзы и увидел, что руки его в смоле и грязи. Сначала он хотел забраться на сосну, но не сумел, и выбрал росшую неподалёку берёзу. Перед тем, как схватиться за ствол, он долго сидел на траве, почёсывая исцарапанные коленки. Бейсболка, надетая по лагерной моде козырьком назад, съехала на макушку. В уголках глаз Дениса, забавно опущенных и суженных, блестели злые слёзы.

Он, несмотря на неполные восемь лет, знал, что красный цвет наиболее модный в этом сезоне. И что носить всё красное могут позволить себе лишь сильные, уверенные люди без нервов. Потому и попросил мать, когда она приезжала ещё в первую смену, закупить ему побольше красного – футболок, шортов, кепок. Денис люто ненавидел своё нежное розовое личико, голубые глаза с длинными ресницами, льняные мягкие волосы, которые он пожелал остричь под ноль.

Воспалённые от слёз веки, раздутый нос и горестно изогнутые губы, безусловно, не добавляли героизма облику Дениса Оленникова. Но, к счастью, никто его сейчас не видел. Только сидела на той самой сосне ворона и с интересом наблюдала за одиноким маленьким человечком.

Денис оглянулся и увидел другую – на ветке серебристого тополя. Деревья здесь росли вперемешку – сосны, берёзы и тополя уж точно в лесу никто специально не сажал. Сейчас деревья колыхались под жарким ветром, и вороны явно были этим довольны – как будто оказались на качелях. Время от времени они принимались чистить перья мощными клювами, почёсывались ногами и вопросительно смотрели на Дениса своими умными блестящими глазами.

– Вам только очков не хватает!

Денис вспомнил, как к его деду, когда тот ещё был жив, ходил в гости пожилой музыкант, очень похожий на ворону. Он играл то ли на скрипке, то ли виолончели, и мама одно время загорелась идеей пристроить Дениса к нему в ученики. Но это было давно, ещё до того, как она собралась замуж.

– Наверное, самец.

Денис, показав язык той вороне, что сидела на сосне. Потом вспомнил, как во время недавней прогулки по лесу вожатая их отряда Алиса строго-настрого запретила называть вороном самца серой вороны. А ведь это постоянно делали и ребята, и вожатые, и даже сам директор лагеря.

Алиса Янина училась в Герценовском университете, хотела стать учительницей биологии, и потому много знала про птиц и зверей. Про жуков и бабочек, кстати, тоже. И вообще, Алиса была классная девчонка, и здорово, что именно она всё лето оставалась на отряде «Чебурашка», никуда не уезжала. Лишь бы на третью смену никого вместо себя не привела,

а то попадётся мымра какая-нибудь, и совсем хреново станет. Хотя... Ведь ему-то уже всё равно. Ну, тормоз, совсем забыл, зачем пришёл сюда!

Сидя верхом на нижнем, самом толстом берёзовом суку, Денис вспоминал, как ему удалось утром стянуть у завхоза приличный кусок тонкой, но прочной верёвки. Спрятавшись в уборной, где, на счастье, как раз никого не было, он обмотал верёвку вокруг живота и прикрыл футболкой. Так и проходил полдня, даже купаться не стал, чтобы не раздеваться. И в тихий час полез под одеяло одетый. Зато не пришлось долго возиться; он только надел сандалии и на цыпочках подкрался к окну. Прутья решётки мальчишки давно уже разогнули, и потому пролезть во двор, а после юркнуть в кусты Денису удалось за пять минут.

Перед тем, как вскарабкаться на дерево, Денис размотал верёвку, которая упала к его ногам узкой стальной змейкой, поглубже нахлобучил бейсболку и принялся за дело.

Кончался июль, и в лесу уже не пели птицы. Было пыльно, жарко и тоскливо, несмотря на пронзительный солнечный свет и приятный запах разогретой сосновой смолки. Это лето выдалось почти тропическим, и даже редкие натужные грозы не приносили облегчения и прохлады. Напротив, жара делалась влажной, густой и липкой. Даже вечером, на линейке, трудно было дышать. И вожатые торопились закончить мероприятия как можно скорее.

Они разрешали всем воспитанникам, даже самым младшим, допоздна плескаться в заливе и купались сами, потому что в перегретых солнцем палатах до утра было не заснуть. Забывались и дети, и взрослые только под утро, и потому на отдых оставалось всего два-три часа. А потом в тревожные спутанные сны врывается звук горна – трубили ненавистную побудку. И всё начиналось по новой – умывание, зарядка, построение, завтрак, игры, работы по хозяйству. Дни казались бесконечными, как это дымное от горящих лесов, знойное, пронзительно-светлое лето.

– Я ей говорил, что третью смену не выдержу и умру...

Денис пытался представить свою молодую красивую мать, а перед глазами почему-то возникало круглое багровое лицо завхоза Полины Фёдоровны.

Если она раньше времени заметит, что верёвка обрезана, то обязательно побежит жаловаться. Сперва, конечно, Алисе Яниной, а потом – Никите, заведующему воспитательной частью. Может, и до директора дойдёт, она уже обещала. Но это ещё ничего. Выгонят из лагеря, и маме придётся его забрать. Но вот если к психологине Марии Константиновне по прозвищу Маркона опять отведут...

Тогда всё, лучше повеситься. Начнёт воспитывать с завтрака до обеда, только на тихий час отпустит. Взрослых, типа, надо уважать, маму любить безумно и не мешать её женскому счастью. Что такое женское счастье, Мария Константиновна мальчику не объяснила, но потребовала принять всё как данность, которую нельзя изменить.

А теперь Денис мстительно и в то же время удовлетворённо улыбался. Его уже точно никуда не вызовут и ругать больше не будут. Он твёрдо решил не мешать своей маме и её такому великому счастью.

Если мать нашла себе мужа, он уйдёт к отцу. Папа там, где небо, где облака и звёзды, думал Денис. И замирал от счастья, представляя себе эту встречу. Отца своего он не знал, видел только на фотографии, да и то в газете, потому что общих снимков у них с мамой не было.

Денис и в Питере, и здесь, в лагере, доставал снимок. И подолгу смотрел на совершенно чужого и в то же время невероятно родного человека в форме капитана первого ранга, так похожего на него. Одними губами шептал ласковые и горькие слова, рассказывая папе о своих невзгодах. И теперь понял, что не сможет больше оставаться здесь, среди равнодушных людей, пусть даже они живые. Но ведь и ТАМ, где теперь находится душа его отца, тоже что-то происходит. Наверное, папа в раю, и Денис тоже попадёт в рай, потому что он маленький и безгрешный...

Газета была сейчас с ним, в кармане шорт, и Денис погладил её сквозь ткань. Папа большой, сильный, весёлый. Он всё поймёт. Даже если заругает сначала, потом они помируются.

Вчера Алиса сказала, что ему придётся остаться в лагере на третью, последнюю смену. Значит, и на день рождения не заберут, хоть мама и обещала. Всё про рюкзак рассказывала, мечтала, как Дениска осенью с ним в школу пойдёт. Юрий привёз, наверное, подлизаться хотел.

Рюкзака такого ни у кого во всей школе не будет – он с катафатами, то есть со специальными светящимися полосками, чтобы машина в темноте не сбила. Ещё с контейнером для завтраков, с кучей карманов внутри и снаружи. Мама про какую-то специальную спинку говорила – против сколиоза. А то врачиха сказала, что Дениска сильно сутулится, может заболеть позвоночник. Лучше бы отсюда забрала, потому что на фиг ему теперь этот рюкзак, и мешок фирменный для «сменки», и все другие подарки! У них, наверное, другой ребёнок будет, Маркона ведь говорила. Вот пусть ему и оставят...

Целое лето мама к свадьбе готовится. А свадьба будет только осенью. И что, Денис ей помешает чем-то? Он целый день во дворе; район у них зелёный, спальный, можно до ночи домой не возвращаться. А всё-таки не лагерь, и Марконы там уж точно не будет. Хотя баба Света немногим лучше, тоже шифер от неё запросто снесёт, так занудит...

Высунув язык, Денис тщательно привязал конец верёвки к суку. Другой он ещё внизу завязал петлёй. Не зная толком, как именно нужно вешаться, он старался компенсировать недостаток навыков напором воли и страсти. И, чтобы в последнюю минуту не отступить, живо воображал свой печальный праздник – в длинном деревянном корпусе, среди высоких сосен, на берегу Финского залива.

Шаткие кровати с воющими сетками, тумбочки в облупившейся краске, ползающие по полочкам тараканы. Изрезанные ножиками перила и стены, жуткая синяя краска, которую очень уж любила Полина Фёдоровна, нагоняли тоску и заставляли чувствовать себя узником колонии для малолетних преступников. Об этом говорили даже старшие, а Денис слышал и втайне с ними соглашался. Кормили, правда, хорошо, давали фрукты и йогурты.

Поэтому Маркона всегда заводила одну и ту же песню:

– А вот мама о тебе заботится! За каждую смену по пять тысяч рублей платит! Чтобы ты отдыхал, набирался здоровья и сил. А ты всё скулишь, всё ноешь! Мешаешь самому родному на земле человеку жить полноценной жизнью! Думаешь только себе, бессовестный эгоист! Подумай о том, что твоя мама – молодая, очаровательная женщина. Ей всего двадцать семь лет. Вся жизнь впереди! Умница, красавица! Неужели, кроме тебя, у неё не должно быть никаких интересов, никаких привязанностей?! Ты просто обязан ради счастья матери перебороть свои амбиции. Принести их в жертву любви! Смириться с тем, что теперь у тебя будет новый папа, и придётся маму с ним делить. Отныне она станет жить не только для тебя одного. Вполне возможно, что у тебя скоро появятся братик или сестричка. И ты переживёшь ещё один приступ ревности, это уже понятно. Уясни себе одно, Денис, – ты пока не имеешь права ни указывать, ни настаивать на своём. Не мама у тебя в долгу, а ты у неё! Она дала тебе жизнь и сделала так много для твоего счастья!..

Денис не понимал значения многих сложных слов, да и не особенно-то хотел их понять. Он усёк главное – надо уйти. Надоело быть третьим лишним. Он мешает маме быть счастливой. Он должен, обязан, вынужден. А его запросто можно обманывать, обещать забрать после первой смены, после второй, а потом не выполнять обещания. Теперь вот, оказывается, и в день рождения, семнадцатого августа, в один из самых любимых праздников, он будет тут. Для мамы теперь этот день ничего не значит, а ведь совсем недавно вокруг Дениса вращался весь мир.

Тогда была жива крёстная, баба Наташа, мамина родная тётя. Дениса баловали, не отправляли с садиком на дачу и в лагерь. Возили к крёстной на Урал – в деревню, в тайгу. Баба Наташа была и маминой кокочкой. Потом её убил маньяк – в подъезде, у лифта. У бабы Наташи остался муж – тот самый Юрий Иванович. Он на Урале в авторитете, его там все боятся. У него куча денег. Юрий Иванович сделал маме предложение, и в сентябре, после того, как исполнится год со дня смерти бабы Наташи, они поженятся.

Но у Юрия Ивановича Денис жить ни за что не хотел. Отчим будет строгий, это точно. Говорят, что может и выпороть. А если тебя до восьми лет не пороли, то будет очень больно, страшно и, главное, обидно. Лучшее уж сейчас решить проблему, как любит говорить Маркона...

Когда Денис закончил привязывать верёвку, на окрестных деревьях сидело уже шесть ворон. В другое время Денис пуганул бы их палкой или камнем, но сегодня он был занят другим. Бейсболка его зацепилась за ветки, упала вниз, на корни. Но спрыгивать и поднимать её Денис не стал – а зачем?

Психологиня беседовала с ним три раза по два часа. И твердила всё время одно и то же – о какой-то жертве. И вчера, после третьей воспитательной беседы, Денис Оленников решил принести в жертву себя самого. Он освободит маму и исчезнет. Улетит с земли туда, в космос, и будет лёгким, невидимым. Тело-то похоронят, без вопросов, а душа будет проникать сквозь стены в дома, всё видеть и слышать.

В третьем отряде девчонки духов уже не раз вызывали по ночам. И духи приходили – двигали блюда, задували свечки. Вот бы так к девчонкам прийти! А ещё лучше – к Марконе, чтобы завизжала на весь лагерь! Духом быть интересно, не то, что строем ходить по территории. Ну, а после смены-то куда повезут? К Юрию Ивановичу – ни за что! И у бабы Светы, маминой мамы, тоска зелёная. Лицо у неё всегда такое кислое, будто она таз лимонов съела...

Приготовив всё для самоубийства, Денис решил передохнуть, потому что утомился и вспотел. Между прочим, подумал, что подошёл бы пистолет. Бац – и всё. А так геморрой сплошной. Топиться ему не хотелось – в заливе мелко, грязно. Можно бы на лодке за буйки уплыть, но одному не отвязать, да и грести тяжело. Яда под рукой никакого нет. Из медпункта ничего не стащить. Лучше всего повеситься. Вроде никто уже не помешает.

Денис надел петлю на шею и подумал, что теперь нужно просто спрыгнуть с ветки. Верёвка, вроде, крепкая, хоть и тонкая. Он специально у завхоза спрашивал, много ли такая верёвка может выдержать. Та сказала, что много. Верёвка импортная, добротная. Только прислали мало, потому что вечно нету денег.

Сегодня ему удалось пробраться в кладовку, отрезать перочинным ножиком кусок. Всё получилось здорово. Даже лагерную собаку, лайку по кличке Рэм, отвезли к ветеринару. А то он мог залаять, когда Денис проползал под забором, чтобы убежать сюда, в лес.

За завтраком он ничего не стал есть, отдал порцию соседу по столу. Тот и так жирный, а всё время хочет добавки. Только никто не даёт, потому что, Алиса говорила, у котла кормится много всяких посторонних, кому в лагере питаться вообще не положено.

Денис представил свой стул, тарелки, ложку и вилку, стакан с компотом. Алиса, как всегда, разливает суп по тарелкам, потому что малыши могут всё опрокинуть. Кстати, Денис уже не раз объявлял голодовку, но Алиса никогда не пыталась кормить его силком и не жаловалась директору.

Когда ребята заметят, что его нет, и доложат вожатой, она подумает, будто опять убежал на станцию. Так и было после первой смены. В тот раз Дениса поймали у билетных касс. Но сегодня – ужритесь, не получится! Он обманет всех, а потом круто напугает.

Сидя верхом на ветке, с петлёй на шее, Денис блаженно улыбался, представляя, какой переполох поднимет его кончина. За всё время существования лагеря «Чайка» тут никто не

умирал. Так-то всякое бывало – дрались до крови, с сотрясением мозга увозили некоторых. Последнего парня – неделю назад. Ну, кое-кого на карантин в изолятор сажали, а после родители забирали их домой.

В их отряде пацан за мячиком на крышу корпуса полез, упал и сломал ребро. Девчонку из старших змея укусила, за ней «скорая» приезжала. Клещей, впившихся в кожу, вожатые выводили постным маслом. Даже к медсестре не ходили, сами всё умели делать.

Вроде бы один чувак чуть не утонул недавно. Про это вожатые говорили, когда ругали заплывающих за буйки. Но чтобы повеситься!.. Теперь и про Дениса Оленникова будут рассказывать. И родителям тоже, между прочим. Скажут: «Не оставляйте детей на три смены, если они не хотят! У нас такой случай был. Мальчик из «Чебурашки», то есть из четырнадцатого отряда, взял и повесился с горя! И мама его так плакала, так плакала!» Вот клёво получится!

Он вообразил, как вечером, в темноте, бегут по лесу люди с фонариками. Среди них старшие ребята из лагеря. Вожатые Алиса, Никита, другие тоже. И обязательно милиционер, с овчаркой на поводке. Вот, значит, бегут они по тропинке, потому что собака взяла след. Мимо кустов, по зарослям черники, по корням, по сухим шишкам. И оказываются на поляне. Луч фонаря скользит по стволам и выхватывает из мрака висящего на ветке Дениса Оленникова...

У него аж дух захватило от восторга. Здорово все подёргаются! Особенно Мария Константиновна, которая довела его до петли. Надо было обвинить её в записке, но не получилось – блокнот кончился. Последние листы раздал пацанам на самолётики. А попросить у кого-то опасно. Вдруг следить начнут, и так уже наблюдение установили после второго побега.

Марконе объявят выговор, и Алисе тоже. Алису жалко, но ничего не поделаешь. Она тоже виновата, могла бы к Марконе его и не отправлять. Им всем лишь бы отвяжаться. Вот и отвяжутся! Всех их на четыре кости поставят! Когда тело в петле снимут с берёзы, побегут в бухгалтерию, где телефон. Позвонят маме в Екатеринбург. Потом она приедет, и ей скажут: «Ваш сын ушёл. Не выдержал разлуки». Тогда-то она зарыдает! Она вообще-то часто плачет – и от горя, и от радости. Станет целовать его, обнимать. Скажет: «Прости, сыночек, прости, Денисёнок, я была неправа! Не нужен мне больше Юрий Иванович, и никто не нужен!»

А он её уже никогда не простит. Будет лежать холодный, неподвижный, с рубцом на шее – как в фильме ужасов. И никогда уже не встанет. Никогда...

Денис шмыгнул носом от жалости к себе. Прогнал мысли о ненужности столь ранней кончины. Постарался не вспоминать о земле, о червяках, которые станут его есть. На кладбище страшно, кругом кресты белеют. Тихо так, а потом вдруг начинают грачи орать. Гораздо интереснее вообразить себя в маленьком серебряном гробике. И вокруг, все в чёрном, – мама, баба Света, Юрий Иванович. И ребята со двора на Гражданке, из школы.

А вдруг в рекреации, когда учебный год начнётся, его портрет повесят? Вот атас! Кругом венки, свечи, музыка похоронная. Вот такая пусть будет у них свадьба! Живого человека замуровать на три смены! Наверное, баба Света тоже раскается. Скажет: «А он хороший был. Зря я его ругала...»

Денис помотал головой, из последних сил отгоняя видение. Московский двор на Пресне. Девочка в расшитых стеклярусом джинсах, с короткой стрижкой и большими карими глазами. Когда-нибудь и она узнает, и её мама. И закричит Оксана Валерьевна его матери: «Милка, ты одна во всём виновата! Ты – убийца!»

Он хотел вырасти. Собирался осенью пойти в третий класс. В шкафу на Гражданке висит школьная форма – зелёный пиджак, чёрные брюки. Учебники на письменном столе. Но всё это уже не потребуется. И те документы, которые мама перед отъездом ещё на первую

смену сдала Алисе в коробочку, ей вернут. И все вещи вернут – одежду, полотенце, расчёски. Пусть смотрит на всё и вспоминает...

Денис ещё раз оглянулся и решил – пора! Через минуту здесь уже всё будет по-другому. Вон там муравьи, как бегали по пню, так и будут бегать, а он... Денис попытался вообразить себя в потусторонней жизни, но не смог.

Перед глазами появилась почему-то подушка в только что выглаженной наволочке, букет ромашек в квадрате пододеяльника. И длинная очередь в туалет, один на мальчиков и девочек, потому что другой сломался. Очередь не исчезнет после его гибели. Потерю одного человека трудно заметить, когда все толкаются, пинаются и лезут вперёд.

Семнадцать мальчишек и шестнадцать девчонок всегда устраивали в туалете свалку. С неё начинался день в лагере, ею же он и заканчивался. И после отбоя ещё долго летал по палатам шелестящий шёпот, а в туалете звонко капала вода. Денис радовался, что ничего этого больше не увидит и не услышит – так всё надоело.

Внезапно Денис услышал голоса. Значит, за территорию лагеря выбрался не он один. Вроде, там и мальчишки, и девчонки из старших отрядов. Могут выкатиться прямо на эту поляну, и тогда уже ничего не получится. Нужно успеть, пока компания щиплет чернику невдалеке. А вдруг их уже отправили на поиски? И не мент с собакой, а старшие ребята найдут его сейчас с петлёй на шее, а после задразнят до потери пульса. Интересно, сколько нужно провисеть, чтобы не откачали?..

Денис ещё раз посмотрел на ворон. К шести прибавилась седьмая, причём белая с розовыми лапами. Похожи, птицы всё понимали и ждали, когда душа самоубийцы покинет тело.

Он осторожно пополз по стволу вниз. Верёвка болталась рядом, цепляясь за ветки, и очень мешала. Сердце бешено колотилось, пот заливал глаза. Больше всего Денис боялся не смерти, а только того, что не успеет расстаться с опостылевшей жизнью...

Большие ребята весело похохатывали на полянке; звенели, сбиваясь на визг, девчоночьи голоса. Что-то крикнул очень знакомый мужчина. Этот развесёлый тенорок Денис много раз слышал в лагере. Но сейчас, наверное, от волнения, никак не мог его узнать.

Мальчик в последний раз взглянул в ту сторону, откуда доносились голоса. Разжал руки и ноги, которыми держался за ствол берёзы, оттолкнулся и повис над муравьиной кучей, извиваясь и хрипя. Вороны, как по команде, взмахнули крыльями и собирались уже взлететь. Но в это время ветка треснула, обломилась, и Денис рухнул прямо в муравейник.

Крона берёзы затрепетала, солнечные зайчики запрыгали по полянке. Вороны, разочарованно каркнув, взмыли в небо. Закричали какие-то другие птицы. По верхушкам деревьев промчался сухой душистый ветерок, и в следующую минуту на поляне вновь стало тихо. В мшистых канавах застыли зонтики травы, и над ними монотонно жужжали пчёлы.

И тут из-за кустов со смехом выбежали семеро загорелых подростков. Мальчишки – в полосатых, под зебру, майках – чёрно-красных и чёрно-белых, потёртых шортах и бейсболках козырьками назад. Девчонки – с алыми розами на джинсах, с широкими ремнями, украшенными разноцветными стразами. Одна, рыжая и конопатая, была в ультрамодной жилетке на шнуровке. Кое-кто из них, спасаясь от озверевшего солнца, надел тёмные очки «Маска смерти». Весёлые, измазанные в чернике, ребята не сразу сообразили, что здесь происходит. Они уставились на обломанный берёзовый сук, а потом – на лежащего в муравейнике знакомого мальчугана.

Подростки сбились в кучу и замолкли. Только одна из девчат, та самая рыжая, осмелилась приблизиться к ребёнку в красном.

Девочка склонилась над ним и закричала:

– Ой, Вован, он повесился! Иди сюда скорее, надо его к врачу! Это же Дениска из «Чебурашек»! Алиску взгреют теперь, точно! С отряда попрут!

Тот, кого девчонка называла Вованом, появился на полянке последним. Худой черноволосый парень, одетый точно так же, как и подростки, с круглыми карими глазами и «брежневскими» бровями, завязывая на голове цветастую косынку, вышел из леса. Над его красными губами, словно вывернутыми наизнанку, проступали похожие на тёмную плесень усики.

– Что такое?! – Вован оценил обстановку быстро.

Не тратя времени понапрасну, он опустился на колени прямо в муравейник, схватил услужливо поданный бритым наголо мальчишкой золингеневский нож, выкинул лезвие. Перерезал верёвку и пощупал у Дениса пульс. На всякий случай, подёргал того за руки, но потом решил, что искусственное дыхание не потребуется.

Остальные, немного отойдя от шока, загладели, наперебой предлагая свои варианты дальнейших действий и высказывая предположения. Девчонки сверкали розово-стеклянным блеском на обведённых красным карандашом губах и томно откидывали волосы, демонстрируя ребятам красный лак на ногтях. Но тех больше интересовал Денис, на которого они, старшие, раньше не обращали внимания.

– Вован, у него кровь из носа течёт! Он живой!

– Слушай, а вдруг он шею свернул? Слышишь, как тяжело дышит?

– А вдруг руки-ноги поломал? Колено-то, блин, разодрал до кости!

– Вован, давай я в медпункт сбегаю, медсестре скажу!

– А, может, Алиску Янину позвать? Это же из её отряда...

– А Никите надо сообщить? Нет, он как бы до вечера в город уехал...

– Тихо все! – Вован, подхватив Дениса на руки, вышел на тропинку. – Ева! – Он взглянул на рыжую девчонку. – И Стас! – Вован упёрся взглядом в бритого мальчишку. – Бегом в лагерь! Сразу же к Татьяне, в медпункт. Алисе обязательно надо сказать, и дальнейшее обсуждать с ней. Больше никто в лагере об этом знать не должен. Нужно сперва разобраться, ясно? Чтобы никто сейчас из вас на территории не базарил!

– Ясно! – вразнобой отозвались ребята.

Ева и Стас, то и дело оглядываясь, побежали по тропинке в лагерь. Там через десять минут кончался тихий час, вскоре после него начинался полдник, и потому вожатых нужно было искать в столовой.

Остальные четверо, толкаясь и мешая друг другу, столпились вокруг своего кумира – ди-джея и одновременно механика с дискотеки Вована Азибаева. Давая ему советы, как лучше нести несчастного малыша, ребята казались сами себе умными и сильными, лобрыми и великодушными.

Происшествие с Денисом Оленниковым добавило остроты в их и без того рискованную прогулку. В это время они не имели права покидать лагерь и болтаться по лесу. То, что с ними был Вован, не могло спасти слушников от неприятностей. Их вполне могли отправить домой, особенно попавшихся на самоволке не в первый раз. При этом деньги за неиспользованные дни родителям не возвращали, и те превращали жизнь преждевременно возвратившихся отпрысков в кошмарный ад.

Вован, в свою очередь, уже воображал, какой скандал разразится сегодня вечером на планёрке. Скрывать ужасное событие не станет никто – ни он, ни ребята, ни Алиса Янина, вожатая отряда «Чебурашка». Из-за этого происшествия сегодня нормальной дискотеки не получится; возможно, и завтра тоже. Не хватало ещё, чтобы дети в выходные всё рассказали родителям! А те, ежу понятно, накатают гору жалоб и досрочно заберут своим обормотов, да ещё потребуют возврата денег. Решат, что тут над детьми издеваются, и те вешаются, как «салаги», измученные в армии «дедушками»...

Вован заглянул в лицо Денису и увидел, что тот уже пришёл в себя. Пацан всё осознал, потому сейчас и смотрел в недостижимое небо мокрыми от слёз глазами. Он прекрасно пони-

мал, что своего не добился, только опозорился перед всем лагерем, и теперь уж точно не сможет тут оставаться. Всего один из «Чебурашек» прославился, да и тот не по-хорошему. Его поступок ляжет несмываемым пятном на отряд и даже, наверное, на лагерь.

Вован, дабы немного успокоить страдальца, покрепче прижал его к себе, понимающе улыбнулся, вытер носовым платком кровь с рассечённой при падении нижней губы и промокнул алые ноздри Дениса. К счастью, кровь уже перестала течь.

* * *

– Это вам не лягушки в девчоночьих палатах! И не подглядывание в душевой! Это событие принципиально иного масштаба!

Мария Константиновна Бурлакова, лагерьный психолог, всегда чувствовала себя главной на планёрках, которые регулярно проходили два раза в сутки – утром и вечером. И сегодня, после вечерней линейки, дискотеки и отбоя, вожатые, воспитатели и лагерная администрация собрались в библиотеке.

Мария Константиновна была старшей сестрой директора лагеря «Чайка» Алексея Константиновича, и он слушался психологиню, как родную маму. Ей было тридцать пять лет, ему – двадцать девять. Но Мария прекрасно помнила братишку в пелёнках и постоянно говорила о своей выдающейся роли в его воспитании.

Весь лагерь знал, что Алёшенька получил родовую травму, и после этого у него развилась жуткая болезнь – алалия. Вечно занятые родители не сразу обратили внимание на задержку речевого развития у младшего сына. Тревогу подняла Машутка, которой никак не удавалось научить Лёшу даже самым простым словам.

Но зато потом, когда страдальца потащили по врачам, Машута проявила себя с самой лучшей стороны. И только благодаря её активности Алексей научился как следует общаться и окончил школу, затем институт. А теперь, наконец, сел в директорское кресло, пусть только в загородном детском лагере.

Благодаря Марии брат перестал давиться даже жидкой манной кашкой, научился без припадков смотреть телевизор, нормально ходить на горшок и не уползать на четвереньках под стол при появлении незнакомых людей. Особенно часто Мария Константиновна упоминала тот факт, что лично прочитала брату около пятисот сказок, а потом подробно обсудила с ним их содержание.

Так велели делать врачи, а у родителей не хватало времени. И потому Маркона искренне считала себя непревзойдённым специалистом по психологии трудных детей. Она не поленилась закончить психологический факультет Университета, хотя уже имела педагогическое образование. И всемерно помогала любимому брату Алёшеньке воспитывать подрастающее поколение честным, трудолюбивым и послушным. Правда, ей далеко не всегда удавалось добиться нужных результатов.

Нервный издёрганный блондин с шелушащейся от солнца кожей лица, Алексей Константинович Бурлаков сидел в торце стола, полностью передавая бразды правления старшей сестре. Он больше всего хотел как можно скорее завершить вечернюю планёрку и уйти из осточертевшей библиотеки, приняв хоть какое-то решение.

Алёша с раннего детства привык к действенной помощи Маши, и сейчас надеялся только на неё. Такое ужасное событие, как попытка самоубийства восьмилетнего мальчика, находящегося в данный момент под его ответственностью, требовало срочных оргвыводов. Таких, которые избавили бы от неприятностей лично директора, и не повредили его репутации, дальнейшей карьере. Не испортили имидж, не заронили в головы начальников никаких сомнений...

Ладно, что ребёнок остался жив, отделался синяками и ссадинами, не сломал ни руку, ни ногу. Но факт остаётся фактом. В лагере только об этом и говорят. А скоро – новый родительский день. И первое, чем огорошат пап и мам их оболтусы, будут рассказы о Денисе Оленникове, да ещё во всех подробностях. Обычно последствиями общения воспитанников с родителями были только рвота и понос от перекорма. А теперь, скорее всего, последуют более серьёзные неприятности...

Мария Константиновна, похоже, уже приняла решение, и потому смело смотрела на собравшихся, не испытывая никаких сомнений. Ей жутко было даже представить себе, как в подобной ситуации бедный братишка обошёлся бы без неё. Возможно, у Алёши случился бы эпилептический припадок, или снова отнялась речь. Но, к счастью, рядом была она, любящая сестра, способная найти выход из самого безнадёжного положения.

Маркона резко захлопнула окно, чтобы в библиотеке не слышали легкомысленную песенку бременских музыкантов и не отвлекались от животрепещущей темы. Но эта предосторожность всем показалась излишней. Первый в истории лагеря, пусть и неудачный, суицид прочно завладел умами и сердцами вожатых, детей, а также прочего персонала. И говорили о Денисе во всех пятнадцати отрядах.

В библиотеке же, как только Маркона захлопнула створки окна, стало, несмотря на поздний вечер, невыносимо жарко. По лицам собравшихся заструился пот. Вожатый первого, самого старшего отряда, двухметровый тяжелоатлет Боря Артемьев за спиной Марконы протянул руку и пихнул обе рамы кулаком.

Бурлакова возвышалась над длинным исцарапанным столом в позе полководца, докладывающего своему штабу план решающего сражения. Круглолицая, с обесцвеченными вьющимися волосами и победоносной полуулыбкой на ярко-розовых блестящих губах, Маркона сильно напоминала бодливую корову. Она смотрела на собравшихся то ли загадочно, то ли презрительно, как будто одна знала некую важную тайну. Карие волоокие глаза могли бы показаться красивыми, если бы не их выражение – глуповатое и заносчивое. Портит картину и широкий курносый нос, через ноздри которого, казалось, можно было увидеть мозг великого психолога.

Фигура у Марконы была хорошая – сильная, крепкая. Покатые плечи, объёмистые бёдра и ноги с тугими икрами указывали на её крестьянское происхождение и соответствующий оному склад ума. Не откажись Маркона от личной жизни в пользу брата, выйди она замуж, нарожай детей – и цены бы ей не было. Особенно где-нибудь в хлеву, на птичнике, на покосе с вилами и граблями Маня Бурлакова смотрелось бы превосходно.

Первоначально для планёрки готовились другие вопросы. Намеревались обсудить поведение детей, причём даже из младших отрядов. Только вот грехи у всех были разные. Один отряд каждую ночь занимался спиритизмом. Другой устроил массовую драку после дискотеки. В третьем девчонки исписывали тетрадки всевозможными пошлостями и гадостями про любовь, поцелуи и прочее. Пятнадцатый отряд проштрафился тоже – посреди ночи детишки носились по коридору, всех будили и просили скорчить смешную рожу.

Перед Марконой в качестве вещдоков лежали тетрадки, фотографии и записочки с признаниями в любви. Кроме того, здесь были отобранная у мальчиков колода карт и даже одна пачка презервативов, правда, не распечатанная. Её, похоже, похоже, забыли на дне рюкзака. Накопились и другие вопросы, требующие срочного решения.

– Вот, пожалуйста!

Маркона ткнула пальцем с длинным алым ногтем в вещдоки, будто не сама притащила их на планёрку. На массивном перстне ярко сверкнул рубиновый кубик.

– Всякой ерундой занимаемся, а на важные проблемы внимания не обращаем. Просто руки не доходят! Спорим, можно в жару обливать детей из шланга или нет! Сердце у нас, дураков, болит... Ах, масло не едят! Зубной пастой друг друга по ночам мажут, штаны

мокрыми узлами завязывают! Всякие садистские стишки находим у них, а после ночами не спим. Жестокими вырастают потомки наши! Будем откровенны – из-за старших всё время валидол пьём. А вдруг кто-нибудь беременный или больной из лагеря вернётся?! Ящерицы всякие в коробочках, поцелуйчики, самоволочки! Вчера узнала, что бывшая наша пожатая Даша Фомина собственную мать двум своим друзьям заказала, чтобы наследство получить! И с киллерами обещала из этих денег расплатиться! Между прочим, покушение удалось, и сейчас все эти юные подонки в «Крестах» сидят! А мы ей детей доверяли, помните? Как же, в православной гимназии девочка учится – самая лучшая, самая чистая... Что, удивлены? Не ожидали? Вот и я не ожидала! Но, надеюсь, о том, что у Коврижного из пятого отряда роликовые коньки украли, вы знаете? Говорили же – не привозить дорогих вещей в лагерь, так нет! Всё родителям по барабану, лишь бы своё чадо выпендрить! Золотую цепочку у Насти Елисеевой из третьего отряда украли. Милиция приезжала, а где результаты? Хотя и насчёт драгоценностей неоднократно предупреждали. Теперь, конечно, всё померкло. «Королевские ночи», детки в белых простынях, которые в темноте по корпусам бегают... Ах, это же просто игры!

Маркона прикусила губу, словно от боли. Потом вскинула тонкие брови, выщипанные в форме идеальной полуокружности.

– Как помните, я всегда была против того, чтобы Алиса Янина оставалась вожатой в четырнадцатом отряде. Перед ней там как раз Фомина рулила – просто несчастье какое-то... Одна оказалась убийцей, а другая с малолетками справиться не может. И, в то же время, собирается быть преподавателем у куда более сложных учеников. Надо смотреть правде в глаза, Алиса!

Маркона с ядовитой вежливостью обратилась к девушке в тесных джинсах и клетчатой ковбойке, притулившейся с краю стола.

Алиса чувствовала себя сейчас почти как на скамье подсудимых и готова была выслушать любые обидные слова, какой угодно жёсткий приговор. Переступая сегодня порог библиотеки, Алиса Янина смирилась с тем, что её снимут с отряда и уже никуда не возьмут, по крайней мере, в этом сезоне. И потому думала лишь о том, как всё это рассказать матери. Ведь от неё ничего не скроешь, потому что Маркона обязательно позвонит домой и всё выложит.

– Мария Константиновна, вы тоже с Денисом разговаривали, – напомнил Никита Юрченко, заведующий воспитательной частью, для которого происшествие в отряде «Чебурашка» стало неприятным сюрпризом. – Почему одна Алиса должна отвечать за случившееся? Между прочим, она рекомендовала Людмиле Витальевне забрать сына от нас, хотя бы после второй смены. Парень два раза пытался удрать, и все прекрасно видели, что этим дело не ограничится. Между прочим, я тоже выступал за отъезд Дениса. Но именно вы утверждали, что недопустимо идти на поводу у упрямых малолеток. Что, если ему сейчас уступить, «мелкий» почувствует себя победителем, и будет в дальнейшем вертеть старшими, как ему вздумается. Вы уверены, что ребёнок – кусок пластилина, из которого можно вылепить любую фигуру. Моё мнение другое. У Дениса уже есть характер, причём весьма непростой и достаточно твёрдый. С избытком у него и хитрости, и предприимчивости. Одними нотациями положение не исправить. Ваши призывы не мешать маминому счастью Денис воспринял своеобразно. Он захотел просто исчезнуть. Решил, что никому не нужен здесь, на земле. Я слышал, что его отец погиб. И видел, как Денис подолгу смотрел на фотографию. Он меня не заметил, и я постарался поскорее уйти. Жаль, что не сообщил Людмиле Витальевне...

– Не надо всё на меня валить! – визгливо перебила Маркона.

Она взглянула в растерянные глаза директора и поняла, что надо его выручать. Но выручать так, чтобы никто, в том числе и этот слишком умный очкарик Юрченко, потом не обвинил её в желании любой ценой выгородить братца.

– Я не виновата в том, что Оленников – психически неуравновешенный, а, может, даже больной ребёнок. Он не любит свою мать, а это, извините, уже патология!

– Позвольте! – Лицо Юрченко пошло пятнами, как с ним всегда случалось от волнения. – Очень любит! Он решил умереть ради того, чтобы она была счастлива. Другое дело, что Денис разуверился в материнской любви. Похоже, что в семье он не находит ни тепла, ни участия. Бабушка могла бы забрать его, раз уж мать так увлеклась предстоящей свадьбой. У парня не осталось другого выхода – вот что страшно! Он не только не хочет быть здесь, в лагере – это ещё полбеды! Многие дети плачут и скучают, хотят домой. Но никто из них не вешается, потому что все знают – их рано или поздно заберут родители. Но Денис-то, похоже, и домой не хочет. Ему нечего ждать, нечем жить. Вы – поклонница слова «заставить». Я же уповаю на слово «убедить». Нельзя заставить любить, ненавидеть, уважать, презирать. Можно только вынудить человека изображать все эти чувства. А это, простите, не одно и то же...

– Вот и убеждайте его теперь! – Бурлакова торжествующе улыбнулась. – Но для начала покажите парня психиатру. Только если он и впрямь окажется шизофреником или кем-то в таком роде, Алиса не будет отвечать за случившееся. Отвечать станут доктора, давшие справку о том, что ребёнок здоров. И в лагере с ним обращались, как со здоровым. Но я ведь рекомендовала установить за ним наблюдение после второго побега. Все это должны помнить! А где было сегодня это наблюдение?! Почему Денис сумел стащить верёвку у завхоза? А потом ещё во время тихого часа покинул палату, перелез через забор или в подкоп проник, не знаю... И никто ничего не заметил!

– Я всю первую половину дня разбиралась с жалобами на плохое питание в лагере, – робко объяснила Алиса.

Она сидела, уронив голову на руки. И беспрестанно тёрла горячий лоб, отбрасывая в сторону прядь блестящих, иссиня-чёрных волос и покусывая нижнюю пухлую губу. Над верхней губой прилепилась бархатная пикантная родинка – знак силы духа и властного характера. Впрочем, пока этих качества Алиса не проявляла. Наоборот, девушка, имевшая по четверти испанской и грузинской крови, слыла на редкость сдержанной и покладистой.

– Мы с диетсестрой сидели очень плотно. Соня Голубцова из моего отряда пожаловалась родителям, что её плохо кормят. Те привезли в воскресенье целую сумку провизии, запрещённой для хранения в лагере. Там паштеты были, творог, колбаса, даже пирожные. Кроме того, оказалось, что Сонечке нужны чипсы и мюсли. Вот мы и убеждали Голубцовых в том, что девочка совершенно не голодает, а просто на свежем воздухе имеет повышенный аппетит. И что все эти лимонады химических цветов для неё даже вредны. Во время обеда я демонстрировала им меню...

– Вот-вот, и всё в «Чебурашке»! – Маркона обречённо рассмеялась. – Уж, кажется, восьмилетки – какие с ними проблемы? Так нет же! Постоянно идут сигналы в областную лагерную спецкомиссию! В конце концов, вмешивается заместитель губернатора. И можно представить себе, что чувствует при этом директор лагеря! Ведь его работу на комиссии будут разбирать уже в третий раз! Сначала терзают пожарные и санэпидстанция, потом является следователь прокуратуры. Старшие дети обчистили киоск на заправке! Теперь выясняется, что малышей плохо кормят, а один из них даже пытался покончить жизнь самоубийством. И попробуй, докажи комиссии, что поступок этот вызван не дурным обращением в лагере, не голодом, не издевательствами со стороны более старших детей и персонала, а болезненным эгоизмом, желанием любой ценой получить всё и сразу. Мы не имеем права приказать Людмиле Витальевне забрать сына из лагеря, если она не желает этого делать. Конечно, и она виновата – избаловала отпрыска до крайности! Но мать ведь оплатила его пребывание! Вы что, предлагаете расписаться в собственном бессилии? Чтобы родители других детей утратили веру в наши возможности? Родители должны быть спокойны, отправляя молодняк

в лагерь. Оплачивая путёвки, они оказывают доверие именно нам с вами. Демонстрируют, что мы им необходимы. Они нас кормят, в конце концов! Многие надеются на благотворное влияние коллектива – и детского, и педагогического. А мы, получается, не можем справиться с одним малолеткой, найти к нему подход. Если он, конечно, здоров...

– Лучше всего будет признать его психически больным. И для Алисы, и для всех остальных. Алиса должна помогать маме, у неё бабушка в больнице, и ей ни к чему иметь нарекания. И у Алексея Константиновича не возникнет проблем с проверяющими, – подала голос из угла элегантная блондинка.

Она только что спрятала в сумочку из мягкой кожи мобильный телефон дорогой модели и присоединилась к дискуссии. Так вольно вести себя на планёрках могла только любимица Марконы Люция Бражникова, вожатая пятнадцатого, самого младшего отряда, который назывался «Мурзилка».

Несмотря на свою достаточно скандальную репутацию, вольное поведение и неоднократные громкие разбирательства в лагерной комиссии, Люция пользовалась расположением Бурлаковой. В лагере, с лёгкой руки Алисы Яниной, Бражникову прозвали «Санта Люция» – именно потому, что к ней не приставала никакая грязь. Маркона благополучно забывала о случаях распития спиртных напитков в вожатской комнате, курения в компании подростков на дискотеках и на пляже. Ходили слухи о том, что Люция совсем не прочь обучить любовным премудростям старших мальчиков.

Но Маркона затыкала рот всякому сомневающемуся в отличных деловых и нравственных качествах вожатой Бражниковой. Люция умела легко улаживать конфликты, виноватых делать правыми, а правых – виноватыми. Даже собственные неблагоприятные поступки Люция преподносила как ошибки цветущей юности, за которые красивую девушку грех наказывать. Не только вожатые-Омужчины, но и подростки запросто называли Люцию кисулей, лапочкой и ангелочком, и она ничуть этого не стеснялась.

Она охотно демонстрировала на пляже самые откровенные бикини, а в лагере – нижнее бельё из лучших питерских бутиков. Алису, которая одевалась в основном на развале у станции метро «Удельная» и в секонд-хэндах, Люция снисходительно презирала, но при случае всегда вступалась за неимущую бедняжку. Да, конечно, ни Алиса, ни кто-либо другой из здешних вожатых не умели мастерски готовить коктейли для летней вечеринки, которые обожала Маркона, но по условиям договора от них этого и не требовали. Какой-нибудь «Мороз в джунглях» или «Тропический дайрики» помогали разругать любую сложную ситуацию, и проверяющий всегда уезжал из «Чайки» довольный.

Ласковая, услужливая, обходительная Люция пользовалась успехом не только у тоскующих по мамам первоклашек, но и у тинэйджеров, жаждущих поделиться самым сокровенным. В отличие от суховатой, академичной Алисы Яниной, Люция Бражникова плясала на дискотеках, шепталась с девчонками о первых поцелуях, а мальчишек учила обращаться с подружками. «Болела» на матчах за футболистов и бегунов, сама великолепно плавала и прыгала с вышки в воду. Могла порекомендовать лучший крем от солнца, посоветовать фасон сумочки или узор на джинсах, придумать эксклюзивный макияж и рассказать о своих путешествиях по экзотическим странам.

Кроме того, Люция придумывала бесчисленные вопросы для викторин, сочиняла смешные стишки и пела на концертах, как настоящая поп-звезда, грациозно перемещаясь с микрофоном по сцене. Без Люции не мог обойтись в лагере никто, в том числе и Маркона, которая сейчас тепло и благодарно взглянула на свою спасительницу. Сидящий тут же Вован, который был вызван на планёрку как свидетель происшествия в лесу, плотоядно выпятил мокрые губы и осклабился. Про них с Бражниковой много судачили, но парочка давно уже научилась игнорировать мнение окружающих о себе и особенно своих близких отношений не скрывала.

– Признать человека психически больным могут только врачи, – заметил, между прочим, Никита Юрченко. – Даже если ему восемь лет.

– Ну, положим, нормальный парень вешаться не станет! – пожалала загорелыми, сильно открытыми плечами «Санта Лючия». – Про него же всё известно. Склонен к побегам, к демонстративному поведению. Объявлял голодовки, ставил ультиматумы, неделями не общался со сверстниками и с взрослыми. Когда собирали лекарственные травы, спрашивал, какой из них можно отравиться насмерть. У него, вроде, и отца нет?

– Люди почкованием не размножаются, – ехидно заметила Алиса. – Отцы были у всех, без них никто не мог родиться. Не наше дело разбираться в семейных проблемах его родителей. Даже если они и не были женаты, и ребёнок стал результатом случайной связи, это ещё не повод называть его шизофреником. Подчёркиваю – даже если это было так! А, может, там имела место настоящая любовь. Да каждого копни – и везде неблагополучно! Например, мои родители развелись, когда мне исполнился год. Кажется, Боря Артемьев тоже одной мамой воспитывался. И вожатые, и дети часто происходят из неполных семей...

– У меня в отряде двое круглых сирот! – добродушно пробасил Боря. – Ничего, нормальные дети. Курят в меру и почти не выпивают. Короче, сдвигов нет.

– Алиска, не передёргивай! – Люция скривила персиковое личико, всем своим видом демонстрируя терпение и кротость. – Да, многие воспитываются только мамами. Кстати, я сама была такой до семи лет. Потом появился отчим. Но я же не вешалась из-за этого! Попереживала немного, поплакала, а после приняла случившееся как данность. И ничего, жива, как видите! Отчим подарил мне свою квартиру, а сам прописался у мамы. Но Денис-то ведёт себя совершенно неадекватно. Он не просто страдает, что было бы естественно. Он считает себя сыном погибшего героя, а ведь это ещё вилами на воде писано. Наверное, мама просто так ему карточку сунула, чтобы сынуля не комплексовал. Выбрала того, кто внешне похож на Дениса, и наврала во спасение. А он поверил и счёл себя особенным. Ребёнок афиширует своё горе. Пытается шантажом, угрозами заставить мать отказаться от брака. Если он в восемь лет такой, что с ним станет дальше? Кем он вырастет? В любом случае Дениску следует показать врачу. И уже на основании диагноза делать заключение. Матери я предлагаю пока ничего не сообщать, чтобы не волновать её попусту. Пусть спокойно готовится к свадьбе. А мы попробуем в последний раз обратиться к его чести и совести. Будущий мужчина просто обязан уважать чувства дамы, особенно своей матери. Алиса, ты не желаешь, чтобы с ним ещё раз побеседовали?

– А кто будет беседовать? Ты, что ли? – грубо ответила Янина и отвернулась к окну.

– Что за тон, Алиса?! – вспыхнула Маркона. – Люция говорит дело. И я стопроцентно с ней согласна.

– Люция всегда говорит только дело. А вы постоянно на сто процентов с ней согласны.

Алиса мрачно, тяжело смотрела из-под шелковистых, резко очерченных бровей горькими прищуренными глазами цвета крепкого кофе. Сейчас она была похожа на рассерженного юношу, и впечатление ещё более усиливал нежный пушок над её верхней губой. Алиса принципиально не пользовалась косметикой, полагая, что хороша и так.

– Люция всегда знает, ЧТО надо говорить. Но Денис из моего отряда, и общаться с ним буду я. Завтра же утром, обещаю. Ещё до того, как его покажут психиатру. А маменька его пускай покупает фату! Ребёнок лежит в изоляторе, со странгуляционной бороздой на шее! Весь в синяках и ссадинах, с кошмарными мыслями в голове! А мы думаем только о том, как избежать огласки! Как оправдаться перед специальной лагерной комиссией! Выговор важнее человеческой жизни, да? Вы что угодно можете обо мне думать, и говорить тоже, но для меня в данной ситуации важнее всего сам Денис. Если он что-то с собой сделает, уже уехав из лагеря, вы с облегчением вздохнёте. Пронесло! Вам за него не отвечать! А я себе этого никогда не прощу, никогда! Я хочу не показатели, не отчёты спасать, а мальчишку!

– Где уж нам до тебя!

Люция мотнула объёмной причёской, похожей на сноп ярко-жёлтой блестящей соломы. Сумочка Люции хорошо смотрелась с широким, украшенным серебряной фурнитурой, ремнём. Ремень плотно охватывал осиную талию и дополнял ансамбль, состоящий из крошечных шортиков и стилизованной под тельняшку безрукавки.

– Мы – формалисты и бюрократы. Для нас человеческая жизнь – ничто. А ты-то куда раньше смотрела? Почему Денису не уделяла внимания столько, сколько нужно? Третья смена уже идёт, между прочим!

– Да, я очень виновата. Нужно было раньше подумать. Но я не знала, что он решится на крайний шаг. Что он... – Алиса не договорила, встала из-за стола и тряхнула головой. – Алексей Константинович, я пока остаюсь на отряде?

Директор растерянно кивнул и только потом заметил, насколько его любимая сестра потрясена наглостью вожатой. Судорожно усмехаясь, Маркона обмахивалась веером, сделанным из любовного письма, конфискованного в первом отряде. Но молчала, понимая, что кроме Люции Бражниковой жёсткие меры в отношении Алисы Яниной не поддержит никто.

Девчонка оказалась не промах, применила верную тактику, нашла нужные слова. И спорить с ней именно сейчас не стоило. Гораздо более разумным казалось поручить ей разобраться с Денисом. Может, что-нибудь и получится, а там и до конца смены недалеко. Мальчишка должен прийти в себя до отъезда из лагеря, иначе могут быть неприятности с его матерью.

Та обвинит во всём именно их – вожатых, педагогов, старших товарищей Дениса. Сама распустила сына до безобразия, пылинки с него сдувала, исполняла каждое желание. А теперь вдруг неожиданно собралась замуж. И в лагере обязаны, видите ли, из избалованного мальчишки сделать мужчину! Много захотела, вертихвостка! Как-то надо передать Дениса родительнице с рук на руки и не допустить новых глупостей. Всё время следить за ним никаких сил и нервов не хватит. В лагере куча других детей, и каждый – не пряник. Значит, надо Дениса как-то уговорить успокоиться. И если Янина сама вызывается попробовать, почему не позволить?

Покачивая грузными бёдрами, Маркона подошла к двери, приоткрыла её и выглянула на крыльцо. В темноте белел медицинский халат. Увидев его, Маркона удовлетворённо кивнула.

– Танюша, заходи быстрее! Как он там?

– Ничего, спит. Я ему успокоительного вколола.

Медсестра Татьяна Ларина, внешне очень похожая на свою знаменитую тёзку, перекинула косу через плечо и вошла в пропахшую потом, табаком и дезодорантами библиотеку. Испуганно осмотревшись, она съёжилась.

– Вот, пожалуйста! – Маркона покровительственно похлопала сестричку по покатоному узкому плечу. – Танюша уверяет, что с Денисом всё в порядке. Мальчик спит. Ты считаешь, врач не нужен?

– Денису? Нет, скорее всего. Ну, невропатолог, может быть... А так никаких серьезных травм я не обнаружила. Правда, Денис ничего не ест и не хочет со мной разговаривать. Но я и не настаиваю. Ему нужно прийти в себя, а там посмотрим. Меня больше Оля Парфёнова беспокоит из четвертого отряда. У неё, кажется, тепловой удар...

– Это уж ты сама решай, мы не медики! – Марконе не хотелось, на ночь глядя, грузить себя и брата ещё одной проблемой. – Надо будет – вызывай врача или сразу «неотложку». – Бурлакова нежно посмотрела на перепуганного брата.

Тот не чаял, как закончить планёрку, выбраться на свежий воздух и наконец-то расслабиться. Алексей собирался сразу идти на залив и долго плавать в тёплой, как парное молоко,

воде. Потом по плану было выпить ледяного пивка и закусить солёными орешками. Ну, разумеется, и поспать, сколько получится, перед новым тяжёлым днём...

У вожатых были примерно такие же желания. Одна Алиса мечтала уйти в вожатскую, где жила вдвоём с подругой Гульдар Бариевой, которая командовала тринадцатым отрядом.

– Значит, пока шума не поднимаем, – резюмировала Маркона. – Дети в таком возрасте всё забывают быстро. Володя! – Она повернулась к Азибаеву. – Я бы тебя попросила особенно не вспоминать сегодняшнее. И пускай твоя компания много не болтает. Всем вожатым отрядов принять меры к пресечению пересудов на эту тему. Ничего не было, и всё! Кончено! Алиса поговорит с мальчиком и убедит его не делать глупостей. А денька через три мы ещё раз всё обсудим. Может, не в столь широком кругу. Всё. Я закончила! – Маркона словно и не метала только что громы и молнии. – У кого-нибудь есть вопросы?

– Я тоже хочу Алисе помочь!

Гульдар, восточная красавица, смуглая с ослепительно-белыми зубами и густо подсинёнными веками, выступила вперёд. Одета она была в красный махровый топик и такую же юбку, подпоясанную шнурком с кисточками.

– Мне кажется, не нужно обвинять Дениску. Ему и так плохо. Нужно помочь ребёнку понять всё, осознать. Получается, он сам и виноват во всём. Он – шизофреник и всё такое. Не надо его крайним делать. Да, мальчик неправ. Но если его только ругать, он лучше не станет. Почему-то он боится материнского замужества. Может, ему именно этот отчим не нравится. Или что-то ещё... Надо узнать у него. Легче всего сказать, что он сам плохой. А что мы знаем об отчине? О матери Дениса? Про его семью? Ничего! А вдруг ребёнку-то и виднее? Мы же папу-то нового не видели, а судим!

– Вот и займитесь этим оба! – устало махнула рукой Маркона.

Она тоже собиралась искупаться в заливе, но прежде всего – принять таблетку от головной боли. Затянувшаяся до полуночи планёрка утомила её, но без разбирательств и оргвыводов всё равно было не обойтись. Если начальство заинтересуется, Алёша отпрапортует, что вожатые постановили ребёнка на сей раз простить, и попробовать разобраться самостоятельно. А уж если у них ничего не получится, показать Дениса детскому психиатру, в крайнем случае, невропатологу.

– Ты, Гуля, из многодетной семьи, так что справишься. Все свободны! Танюша, у тебя пятерчатки нет? Или, на худой конец, цитрамона?

– Пойдёмте со мной в кабинет. Я поищу...

Таня вышла из библиотеки вместе с Марконой. Другие, шумно переговариваясь и потягиваясь, тоже двинулись к дверям. Над крыльцом горел фонарь, и вокруг него роились светящиеся мошки. Казалось, что от электрического сияния мягко серебрится воздух.

– Родителям скажем, что дети просто неправильно поняли, – говорила Маркона Люции Бражниковой – Ребёнок случайно упал с дерева...

– Надеюсь, что в изоляторе он не повесится! – весело ответила Люция. – Так что можете спать спокойно. Никаких репетиций сегодня не будет, и пьянок тоже. План мероприятий придётся обсуждать утром...

– Слышишь, как тихо? – Никита Юрченко, проходя мимо Алисы, задержался. – Из-за твоего Дениса все уgomонились раньше времени. Вижу, даже у бочки не курят! – Юрченко пожал плечами, увидев, что около наполненной протухшей водой бочки никого нет. – Значит, ещё что-то может их пронять. И это отратно!

– Поменьше бы такой отрады! – брезгливо отозвалась Алиса и посторонилась, пропуская к выходу Алексея Бурлакова. Ей хотелось прямо сейчас поговорить с Денисом, но она понимала, что это невозможно.

– Аличе! Пойдём, искупаемся? – Гульдар осторожно взяла её под руку.

– Ты иди, а я не хочу. Посижу здесь одна.

Алиса, чувствуя, что ноги непроизвольно подгибаются, опустилась на тёплую деревянную ступеньку. Гуля хотела ещё что-то сказать, потом тихонько попятилась и скрылась в темноте, понимая, что подружке сейчас не до разговоров.

И Алиса вспоминала почему-то именно вчерашнюю вечернюю линейку, построенных в шеренгу детей. И слышала звонкий голосок отрядной активистки Лины Белан, которая рапортовала, что отряд «Чебурашка» на линейку построен не полностью. Один человек отсутствует по уважительной причине – так полагалось говорить о больных. Больным по всем понятиям считался Денис Оленников...

* * *

В этот день Алиса Янина возблагодарила судьбу за то, что ей достался отряд малолеток – с ними было не так много хлопот, как со старшими. Дети ещё не начали влюбляться и сходить с ума на этой почве. Они не обсуждали в уборных свою физиологию, не курили и не пили, не пытались при каждом удобном случае удрать в самоволку, серьёзно не дрались и не воровали. Только вот жаловались родителям на лагерные строгости и пищали по вечерам, подставляя исцарапанные коленки под зелёнку.

Не случись история с Денисом Оленниковым, отряд «Чебурашка» можно было бы назвать образцовым. Он стабильно держал второе место после «Мурзилки» Люции Бражниковой, но это нужно было воспринимать как данность. Соперничать с Люцией в «Чайке» не мог никто. Бражниковский статус Примы не подвергали сомнению ни юноши, ни девушки, ни взрослые администраторы.

Во время утренней планёрки обсуждалась завтрашняя поездка младших в Зеленогорск на аттракционы. Во время подъёма Алиса сообщила приятную новость своим «чебурашкам». Попутно вожатая пригрозила оставить в лагере каждого, кто будет нарушать дисциплину. Дети восприняли предупреждение более чем серьёзно. Побудка, заправка кроватей, зарядка, завтрак и линейка прошли на радость споро и организованно. Никому не хотелось лишаться долгожданных развлечений в парке и похода в тамошнюю мороженицу. Свои обещания Алиса всегда выполняла, приучая к тому же самому и юных «чебурашек». Дети свою вожатую побаивались, уважали и любили.

Придумать занятия для маленьких было просто, и Алиса освободилась быстро. Когда дети, упоенно визжа, убежали на волейбольную площадку играть в краски. Алиса взглянула на часы. До обеда ещё оставалось время, но и дел Алиса наметила немало. Она собиралась из бухгалтерии позвонить в Питер бабушке Дениса Оленникова Светлане Лазаревне. Связываться напрямую с Екатеринбург, где сейчас находилась мать Дениса. Алиса не хотела. Слишком дорогое получалось удовольствие, и администрация запретила междугородние переговоры.

Пусть лучше Светлана Лазаревна позвонит дочери и объяснит ей, что надо всё-таки, оторвавшись от приятных предсвадебных хлопот, вспомнить о своём ребёнке. Какой спрос может быть с вожатых и воспитателей, если самые близкие люди не проявляют интереса к переживаниям и горестям этого мальчика? Он ведь не дурак, понимает, что от него хотят избавиться. Пусть на лето, но хотят. Он вдруг ощутил себя лишним.

Денис остро воспринял охлаждение матери и пытается принять радикальные меры. Вопреки уверениям Марконы, парень имеет упрямый, твёрдый, рискованный характер. И нет никакой гарантии, что он когда-нибудь не улучит момент и не удерёт с территории, не пропадёт где-нибудь по дороге из Комарова в Питер. Вечно рядом с ним сидеть не будешь и охранника к нему не приставишь.

Отбрасывая ногами сосновые шишки, Алиса шла к медсанчасти, где до сих пор лежал Денис. Нужно было поговорить с ним перед тем, как его вернут в палату. Об этом просила и

медсестра Танечка, которой требовалось срочно освободить изолятор. Двое старших мальчиков отравились курой-гриль, которую привезли в родительский день, и теперь их нужно было некоторое время продержат на койках. С Денисом же всё было в порядке, он целыми днями читал книжки и смотрел телевизор.

Медчасть размещалась в одноэтажном финском домике, под окнами которого сейчас болтались два мальчика из Алисиного отряда. Даня Бурый и Вася Белобородов. Парочка эта ничем среди сверстников не выделялась – ни умом, ни силой, ни богатыми предками, ни показной лояльностью по отношению к старшим. Мальчишки эти были просто никакие. Почувствовать себя людьми они могли лишь на фоне чужой беды. Они всегда держались вместе и искали подходящую ситуацию – драку, скандал, кражу, сплетни. В результате всегда оставались пострадавшие – деморализованные детишки, зареванные и напуганные. Они и становились добычей Дани с Васей.

Алиса особенно не удивилась, застав их под окнами санчасти, но разозлилась страшно. И впервые пожалела, что в лагере запрещено физическое воздействие на детей.

– Толстый маленький Денис на верёвочке повис! – разом заорали Даня и Вася, приподнявшись на цыпочки.

Алиса, которую маленькие негодяи ещё не заметили, увидела, как Денис отошёл от окна и скрылся в палате.

– Оба завтра в Зеленогорск не едете! – холодно сказала Алиса, выходя из-за стены и направляясь к онемевшим от ужаса мальчишкам.

– Но почему-у-у?... – заныл Бурый, моментально изменив выражение лица с глумливого на плаксивое. Вася жалобно заморгал глазами.

– Потому что вы отвратительно себя ведёте! Я предупреждала? Вы всё слышали? Два раза никогда не повторяю. Вы оба наказаны.

– А чего мы сделали? – недоумённо пробормотал Белобородов.

– Больного товарища дразните, орёте всякие глупости! Я не хочу позориться с вами в Зеленогорске. Вам было сказано: не вспоминать про то, что случилось с Денисом! Вы обещали слушаться старших. Говорили, что никаких приколов не будет. А сами...

– Мы больше не будем, – пробубнил Даня Бурый.

– Я это уже тысячу раз слышала. При мне, конечно, не будете. А тайком – обязательно. И потом – разве Денис толстый?

– Конечно, толстый! – уверенно сказал Даня. – Потому и сук сломался. Все так говорят. Спроси, кого хочешь!

– А вы не слушайте всякие гадости не повторяйте их! Хорошему бы так быстро учились!..

Алиса критически оглядывала мальчиков, стоящих перед ней. Они низко опустили головы и ковыряли затравеневшую землю носками своих кроссовок.

– Кто этот стишок сочинил? Неужели вы поэтами заделались?!

– Да нет, это большие... – неопределённо махнул рукой в сторону залива Даня.

Он всем своим видом подчёркивал, что не хочет ябедничать, да Алиса и не настаивала. Она подумала, что крепкий рослый Денис по сравнению с этими доходягами вполне может выглядеть толстым. Несмотря на то, что Даня Бурый был даже выше Оленникова ростом, из-за маленькой головки и астенического сложения здорово ему проигрывал. Даня – настоящий фитилёк, и даже загар у него сероватый. Болезненный мальчик, не мешало бы проверить его кровь и лёгкие.

А Вася – тот вовсе маленький, с синеватыми губами. И это несмотря на солнце, море, фрукты, игры на свежем воздухе. Маленькие, ничтожные людишки – видно уже сейчас. Но разве можно так думать о детях? Все они талантливы, как говорит Маркона, и каждый из них может стать гением...

– Денис не толстый, он просто плотный. Ему в «качалке» делать будет нечего. Не то, что некоторым! – Алиса ещё раз критически осмотрела юных ослушников. – Идите на площадку, к ребятам. Но в Зеленогорск всё равно не поедете. Надо хоть раз вас действительно наказать.

– Если твоё распоряжение не отменит лично Маркона! – сказал Никита Юрченко, выходя из-за угла.

Видимо, он там стоял уже давно и подслушивал воспитательную беседу, но Алиса и не собиралась ничего скрывать.

– Отменит, так я сама никуда не поеду! То я слишком мягкая, то чересчур жёсткая! Должна проявлять инициативу, но когда делаю это, получаю по рукам! За новую попытку самоубийства я отвечать не намерена. Ребёнка задразнят, и он окончательно сорвётся. А я всю жизнь волочь на себе вину не желаю. Пусть Маркона потом сама с его матерью объясняется! Расскажет, как пожалела бедных мальчиков, и они затравили её сына. Идите! – Алиса бешено взглянула на Даню с Васей, и тех как ветром сдуло.

– Ты считаешь, что Денис может опять повеситься? – испугался Юрченко. – Парень, конечно, ненадёжный. Нервный, плаксивый, эксцентричный, да ещё находящийся в глубокой депрессии. Пока изолирован от коллектива, кое-как держится. Но архаровцы уже начали всякие гадости в окно орать. Представляю, что будет в палате, когда его выставят из изолятора!

– Вот и иду его бабке звонить! – сообщила Алиса. – Может, сжалится, заберёт внука домой? Уже август, он достаточно отдохнул на природе. А ты что-то другое предлагаешь? Если не трудно, поделись.

– Да нет. Думаю, ты права.

Никита снял очки и стал их задумчиво протирать, прислушиваясь к воплям детворы, от которых в ужасе разлетались птицы. Похлопал близорукими глазами и насадил очки на нос.

– Завтра в Зеленогорск Дениса возьмёшь?

– Не знаю. Надо его самого спросить. Вдруг не захочет?

– Да, конечно, спроси. Ты в бухгалтерию? Сейчас всё бабке скажешь?

– Разумеется. Маркона, вроде, её не извещала. Придётся мне принять на себя бурю эмоций, но это не имеет значения. Важно, что ребёнок окажется дома. В случае чего, ты меня поддержишь?

– Нет вопросов! Как только с бабушкой перетрёшь, сразу мне скажи. Будем решать на вечерней планёрке. Только ты зря без совета с Марконой ставишь бабу в курс, ну да ладно. Авось, обойдётся. Ей лишь бы братца из говна вытащить, и ради этого пойдёт на что угодно. Может, конечно, побазарить для порядка, но ты на это положи с прибором...

– Пускай базарит! – Алиса заметила, что Денис наблюдает за ними через окошко палаты, улыбнулась и спросила: – Хочешь завтра в Зеленогорск поехать? Сначала – в парк, потом – в мороженицу и в кино. От завтрака до ужина, без тихого часа!

– Нет! – Мальчик замотал головой и задёрнул белую занавеску.

– Плохо дело! – Юрченко помрачнел. – Парень в шоке. Наверное, насмешек боится. Тем более, ты говоришь, травля уже началась. А запреты в таком случае только разожгут азарт.

– А ты думал, я просто так пургу мету? Теперь сам видишь, в каком состоянии ребёнок. Только Марконе ведь ничего не докажешь. Это только её братец имеет право на слабость, а другие...

– Думаю, сегодня ей будет не до тебя. В первом отряде героин у трёх пацанов обнаружили. Так что придётся братана и от этой напасти спасать. – Юрченко кивнул Алисе и пошёл к волейбольной площадке.

Вожатая же заторопилась в бухгалтерию, на ходу доставая из борсетки записную книжку, в которой она когда-то на всякий случай чиркнула номер телефона городской квар-

тиры Оленниковых. Алиса мечтала только о том, чтобы у аппарата не выстроилась очередь, как довольно-таки часто случалось. Кроме того, бухгалтер Марина Владиславовна могла закапризничать и не разрешить ещё одному человеку надоедать ей в течение ещё нескольких минут.

Впрочем, Алиса рассчитывала на некоторое снисхождение – они с бухгалтером вместе пили кофе и ходили на залив купаться. Кроме того, Марину очень интересовала история Алисиного родного дедушки по матери, ребёнком вывезенного в Ленинград из пылающей Испании. При всём этом Марина, когда находилась не в духе, закатывала истерики и разгоняла даже самых близких подружек. В каком настроении бухгалтер сегодня, Алиса не знала – они ещё не успели повидаться.

Марина Владиславовна, как и все, загорелая, но зятая в голубой офисный костюм, аккуратно причёсанная и невероятно несчастная, растирала вьетнамским бальзамом виски и одновременно считала на калькуляторе. Сломанный компьютер стоял за её спиной монитором к стене – уже две недели мастер не мог приехать в Комарово из Зеленогорска. Перед Мариной дымилась чашка кофе. Туда она, несмотря на жару, сыпала тёртый горький шоколад. По стеклу, громко жужжа, ползала оса и, видимо, именно это заставляло бухгалтера жестоко страдать.

Алиса сразу же отметила, что аппарат свободен. Мило улыбнувшись, она поздоровалась.

– Марина Владиславовна, добрый день!

Алиса старалась говорить приветливо и спокойно. Истрёпанные нервы бухгалтера не выдерживали даже малейшего напряжения. Марину, похоже, сегодня уже успели огорчить.

– Алисочка, лапулечка, здравствуй! Хочешь кофейку? – Марина полезла за чашкой в левый нижний ящик стола. – Проклятая оса, я и так боюсь! И у меня аллергия! Если ужалил – смерть! Жнудит и жнудит, совсем голова распухла! Может, хлопнешь её?

– Зачем убивать столь совершенное существо? – Алиса открыла окно и два счёта, размахивая скоросшивателем с документами, выгнала осу на улицу. – Муху – пожалуйста. Таракана – милости просим. А осу – нет. Они полезные, уничтожают моль лучше всякого нафталина. Вот, всё тихо.

– Умница моя! Спасибо! – Страдальческие складки на ухоженном лице Марины разгладились. – За это тебе тем более полагается чашка кофе.

– Не знаю, как вы на такой жаре кофе пьёте, а я не могу. Можно в город позвонить? Только, боюсь, коротким разговор не будет.

– Говори, сколько влезет! – расщедрилась Марина. – Я выйду.

– Как хотите. – Алиса, открыв книжечку, принесла к «Панасонику» и набрала номер.

Телефон пропищал семь раз, потом послышались длинные гудки. Пропустив шесть сигналов, Алиса уже собралась дать отбой, потому что дома, похоже, у Оленниковых никого не было. Бабушка Дениса по возрасту ещё не была пенсионеркой – ей не исполнилось и пятидесяти. Когда Алиса уговаривала Людмилу Оленникову забрать сына из лагеря, речь зашла о бабушке и её нежелании сидеть с внуком.

– Да-да!

В трубке раздался очень весёлый, даже возбуждённый женский голос. В тоне говорившей сквозило густое жеманство, угадывалась наигранная любезность.

Алиса ещё никогда не разговаривала со Светланой Лазаревой, но почему-то сразу отнеслась к ней враждебно. Единственный внук едва не повесился, а бабуля играет голосом, как молоденькая. Хочет понравиться чужим в ущерб самым близким.

– Светлана Лазаревна? – на всякий случай уточнила Алиса.

– Да. А с кем я говорю? – Женщина явно ждала другого звонка.

– Это Алиса Янина, вожатая из лагеря «Чайка», где сейчас находится ваш внук Денис. Я хочу с вами посоветоваться.

– А в чём, собственно, дело? – Тон бабушки стал совсем скучным. – Он заболел?

– Хуже. Он хотел покончить с собой. – Алиса сначала не собиралась вот так рубить с плеча, но сейчас решила бабушку не щадить.

– То есть?.. Я не понимаю! Восемилетний ребёнок кончал с собой?

– Да, он хотел повеситься. К счастью, у него это не получилось. Но мальчик в ужасном состоянии – я имею в виду настроение. После того, что произошло, ему никак нельзя оставаться в лагере. Вы понимаете, что дети – достаточно жестокий народ? Запретить им дразниться не может даже директор. Пока Денис лежит в санчасти, но завтра его выпишут. И он может повторить попытку... Кроме тоски по матери его будут травмировать напоминания об этой ужасной истории.

– Когда это случилось? – осведомилась Светлана Лазаревна.

– Пять дней назад. – Алиса облизала пересохшие губы.

– И чего вы от меня хотите? – не могла взять в толк бабуля.

– Я хочу, чтобы вы забрали внука из лагеря и связались с его матерью!

– Мила в Екатеринбурге, а я вечером уезжаю в санаторий, в Сестрорецк. Взять Дениса не могу, говорю вам сразу. Миле позвоню, но не гарантирую, что это будет сегодня. Кроме того, дочка купила ему путёвку на третью смену. Я так понимаю, что деньги в любом случае останутся у вас?

– Неужели для вас деньги важнее жизни и здоровья внука?! – ужаснулась Алиса. – Я не знаю, как поступит наша администрация. Я не уполномочена решать вопросы финансового плана. Но в любом случае ребёнок не должен подвергаться психологическому насилию. Он пробыл у нас две смены, его неоднократно обманывали. Обещали забрать, а потом оставляли. Мальчик решил, что больше не нужен своей матери. Кроме неё и вас у него никого нет, правда ведь? К кому Денис должен обращаться за помощью?

– Девушка, сколько вам лет? – строго спросила Светлана Лазаревна.

– Через месяц будет двадцать один, – ответила Алиса и продолжала, не давая собеседнице опомниться: – Сейчас вы скажете, что вам сорок девять! Что вы старше меня более чем в два раза, что я не имею права и так далее... Но я – официальное лицо. Я – вожатая отряда, к которому приписан ваш внук. Под мою ответственность его в день заезда вручила Людмила Витальевна вместе с документами. И я в настоящее время отвечаю за него. Поэтому и ставлю вас в известность о том, что Денису угрожает серьёзная опасность. Тем более страшно, что она – внутри него. И всегда будет с ним... А я ничего не смогу доказать ребёнку, если он так и будет сидеть в лагере, никому не нужный. Если он поймёт, что стоит меньше пяти тысяч рублей, заплаченных за путёвку!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.